

АНДРЕЙ ПОЗДНЯЕВ

УЛЫБКА РАСПУТИНА

Валентин Григорьевич позвонил рано утром в канун Рождества, 6 января 1998 года. Не было ещё и восьми...

Прежде он никогда мне не звонил. В ту пору мы не были близко знакомы. Виделись в Союзе писателей на Комсомольском проспекте — на съездах и заседаниях секретариата. Как-то бок о бок протряслись несколько часов в автобусе, когда ездили на выездной пленум в Орёл. Но, по сути, не общались тогда: Распутин, погружённый в какие-то думы, всё время смотрел в окно, и я старался попусту его не теревить.

Пару раз мы встречались у Владимира Крупина, с которым я учился вместе в институте, а Валентин Григорьевич был связан многолетней дружбой. Володя и дал ему мой телефон.

Извинившись за ранний звонок, Валентин Григорьевич огорошил меня горьким известием: сегодня ночью скончался Георгий Васильевич Свиридов. Он помолчал немного и продолжал:

— Вы не могли бы, Андрей, сообщить об этом владыке Кириллу? Нужно проводить Георгия Васильевича по всем церковным канонам. А завтра ведь большой праздник...

Митрополит Кирилл возглавлял тогда Отдел внешних церковных связей. Я был одним из штатных консультантов, занимаясь “наведением мостов” между Церковью, творческими союзами и культурными организациями. Распутин об этом знал.

Связаться с владыкой Кириллом, к тому же в преддверии Рождества, было непросто. Как правящий архиерей, во время церковных праздников он уезжал в свою епархию. У меня были, конечно, все необходимые телефоны. Но в тот момент, когда позвонил Валентин Григорьевич, в Смоленском кафедральном соборе как раз начиналось предпраздничное богослужение — Литургия Св. Василия Великого.

Тем не менее, я позвонил одному из его помощников, и тот прямо в алтаре сообщил владыке о кончине Свиридова. Как позже мне рассказывали, в конце службы митрополит Кирилл обратился к пастве со словами скорби и возгласил почившему “Вечную память”...

Отпевали Георгия Васильевича 9 января в только что воссозданном храме Христа Спасителя. Панихиду служил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II. Сослужил ему митрополит Кирилл.

Не припомню столь торжественной и одухотворённой церемонии прощания. Свиридов был не только великим композитором, но и глубоко верующим

человеком. Иначе не родилась бы его дивная музыка, его “Песнопения и молитвы”, в которых даже глухое сердце не может не слышать божественных звуков...

Когда гроб выносили из храма, одним из первых шёл за ним Распутин. Завидев меня в толпе, он на мгновение отделился от траурной процессии, подошёл ко мне, и мы молча обнялись. Излишни были какие-то слова. Мы просто троекратно с ним поцеловались. Будто не рождественские дни стояли на дворе, не проводы в последний путь близкого и дорогого ему человека, а Светлое Христово Воскресенье.

Никогда не забуду лица Распутина. По обыкновению грустное, если не сказать с печатью неизбывной боли, оно в тот миг было переполнено светом. Озарено улыбкой, которую ни до, ни после той встречи видеть мне не доводилось...

МЕШОК С РУБЛЯМИ

В начале девяностых Пётр Лукич Проскурин, возглавлявший тогда Всероссийский фонд культуры, предложил мне стать его заместителем. По сравнению с другими общественными организациями того времени, Фонд культуры в финансовом отношении имел ряд ощутимых преимуществ. Средств на культурные программы государство, конечно, не выделяло. Нужно было изыскивать их самим, занимаясь коммерческой деятельностью. Но зато мы были освобождены от двух существенных налогов: на прибыль и на так называемую добавленную стоимость. Эти льготы позволяли выкраивать какие-то суммы на издание книг, организацию выставок, проведение фольклорных праздников и фестивалей духовной музыки, поддержку народных промыслов и ремёсел.

Но денег всё равно не хватало. Ведь нужно было платить зарплату сотрудникам, тратиться на командировки, оплачивать коммунальные расходы...

Фонд культуры размещался в самом центре Москвы, на улице Мархлевского. Место престижное для любой из фирм, которые росли в ту пору, как на дрожжах. Поэтому когда мы решили сдавать в аренду часть помещений, расположенных во флигеле, организация тут же объявилась. Это было некое польско-французско-российско-израильское предприятие, носившее название “Марк Поль Банк”.

Проскурин, помнится, некоторое время колебался, но деньги Фонду были обещаны неплохие, и он, в конце концов, дал новоявленным соседям согласие.

В литературной иерархии тех лет Пётр Лукич был фигурой значимой и влиятельной: Герой Социалистического Труда, секретарь Союза писателей СССР по прозе, автор романов, которые издавались многомиллионными тиражами и успешно экранизировались, он производил впечатление человека незабываемого. Однако перестроечная вакханалия была способна выбить почву из-под ног и у такого гиганта.

Когда вечерами мы засиживались у Проскурина в кабинете и говорили, что называется, по душам, называя вещи своими именами, в его рассуждениях о будущем отечественной культуры нередко слышалась озабоченность, если не обречённость. Он всё более замыкался в себе, уходил куда-то в сторону, постепенно переключая на меня все дела по работе Фонда, за исключением финансовых вопросов, которые ему, как руководителю, надлежало решать самому.

Отношения с “Марк Поль Банком”, между тем, менялись на глазах. Если поначалу они исправно перечисляли Фонду все необходимые платежи, то к осени 93-го года стали возникать постоянные перебои и задержки.

Когда в очередной раз были нарушены все договоренности, и сотрудники нашего Фонда около месяца сидели без зарплаты, Пётр Лукич отправил меня на переговоры.

Хозяева упомянутого банка встретили меня более чем прохладно, если не сказать агрессивно. Ушёл я от них ни с чем, унося лишь угрозу, что в следующий раз они меня порежут на мелкие кусочки, сложат то, что останется, в багажник стоящего во дворе “Мерседеса” и вывезут в неизвестном направлении...

Узнав об итогах моего визита к “банкирам”, Проскурин буквально расви-
репел. Всегда сдержанный и немногословный, он тут же позвонил главному
арендатору и, вспомнив, должно быть, молодые годы, когда шоферил на
Дальнем Востоке, выложил ему все напрямик, открытым текстом. Перемежая
речь крепкими словечками, он заявил, что если завтра же Фонд не получит
причитающихся ему денег, то жизнь им сладкой не покажется...

На следующий день в кабинет Проскурина принесли огромный мешок,
доверху набитый мятыми рублёвыми бумажками. Мы несколько часов вместе
с Петром Лукичом и главбухом пересчитывали эту денежную кипу.

Уже позже, когда с “Марк Поль Банком” были расторгнуты все отношения,
мы узнали, что в мешке была дань, которую совместное предприятие регу-
лярно собирало с нищих в метро и подземных переходах.

ПОД МУЗЫКУ ВИВАЛЬДИ...

На одной из книг, подаренных мне Валентином Курбатовым, дарственная
надпись:

“Старинному моему другу – с нежностью – псковской, московской, дне-
провской, волжской...”

Господи, как много раз мы были счастливы! И как бы хотелось снова ока-
заться в Киеве, Запорожье, Смоленске... Хотя, кажется, это только горькое
желание опять стать молодым...”

Познакомились мы в середине шестидесятых. Будучи в ту пору студен-
том, я приехал на зимние каникулы в Псков и, заглянув в местную молодёж-
ную газету, встретил там Валентина, работавшего литсотрудником отдела
культуры. Узнав, что прежде я в Пскове не бывал, он вызвался показать мне
город, и мы тут же отправились бродить по древним крепостным валам, за-
снеженным площадям и улочкам – от храма к храму, от церквушки к церквуш-
ке, которые Курбатов знал наперечёт.

Уже поздним вечером оказались на Хлебной горке в Запсковье, где в од-
ном из неказистых домишек Валентин снимал тогда “шестиметровку”. Ото-
грев меня чаем с сухариками, он включил проигрыватель, и с затёртой пластинки
звучали голоса Марио дель Монако и Клаудио Вилла. И, конечно же,
Вивальди, которого мы слушали, поди, до рассвета...

Так началась долгая наша дружба, которой уже без малого полвека.

Наезжая в Москву, Валентин нередко останавливался у меня. Баловал
и письмами, имея к эпистолярному жанру стойкое пристрастие и особый дар.
Едва ли не каждая его весточка, даже крохотная открытка, украшенная затей-
ливой буквенной вязью, сродни произведению искусства. Не говоря уже о че-
канной словесной отделке, напоминающей скань...

Памятны и совместные наши поездки. Две из них – довольно продолжи-
тельные и насыщенные впечатлениями – выпали на середину девяностых го-
дов. Именно о них вспоминает Валентин Курбатов в дарственной надписи на
своей книге “Перед вечером или Жизнь на полях”.

В составе участников Международного кинофорума славянских и право-
славных народов “Золотой Витязь” мы путешествовали тогда по Волге и по
Днепру. Жили в одной каюте. Вместе карабкались по днепровским кручам
и волжским откосам. В каждом из городов, где останавливались, старались
побывать на службе в храме и, ежели Господь сподобит, – причаститься...

Не могу не процитировать отрывок из небольшого эссе В. Курбатова:

“Как всё-таки опытно-справедлива молитва перед Причастием: “Пред
дверьми храма Твоего предстою и лютых помышлений не отступаю...” Если
уж не “лютых”, то рассеянности и пустоты своей мы точно не отступаем.
И подлинно – всё “пред дверьми”. Всё никак в храм не войдём. И при этом
Церковь в этой молитве не корит нас, а приглашает к Причастию её тайн. Зо-
вёт в путь. Звала в дни нашей общей беготни за государственным атеизмом,
зовёт сейчас, когда мы притворяемся “твердыней Православия” и высокомер-
ничаем перед другими религиями. Церковь знает, что мы в земной привязан-
ности к дню всегда только “пред дверьми”, и матерински ждёт, когда выраст-

тем, осмыслим её и свой путь и станем настоящими причастниками её силы и славы”.

Перечитывая сейчас мудрые строки стародавнего друга, я вспоминаю, как мы стояли с ним пред алтарем в Киевской Софии. Валентин, казалось, сливался воедино, растворялся в тех молитвах, которые звучали под сводами храма...

И ещё вспоминается мне тот зимний день, когда мы познакомились с ним и отправились гулять по Пскову. Это было самым началом пути, и ещё не пришло время думать в предвечерний час про “тьнь молодости и печали, давней беспечности и нынешней рассудительности”. Всё было впереди. А пока лишь ярко светило солнце...

На одной из улочек Валентин заприметил гирлянду свисающих с крыши сосуллек. Подняв с земли небольшую тоненькую ветку, он, подпрыгивая на ходу, стал легонько ударять по этим сосулькам, “играя” на них, как на клавишах ксилофона.

Ни одна из сосуллек не упала, не разбилась. Они тихонько, на разные лады перезванивались, и звуки эти сплетались в неведомую по красоте, неземную мелодию.

Быть может, именно тогда он впервые услышал, как звучит небесная музыка...